

Было время, когда Элина Быстрицкая считалась едва ли не самой красивой женщиной страны. Она и теперь в отменной форме — не случайно листовки одного из избирательных блоков неизменно украшались ее фотографией. Помещенный под ней приглаженный текст имел отдаленное отношение к подлинной Быстрицкой, человеку противоречивому, горячему, глубоко театральному — во всех смыслах этого слова... С такой женщиной не хочется говорить о политике — и эту тему мы с обоюдного согласия обошли молчанием.

— Элина Авраамовна, что в вашей жизни было самой большой удачей?

— Аксинья в Герасимовском "Тихом Доне" и приход в Малый театр. Я поклоняюсь этой сцене, этому коллективу, который покорила меня еще в бытность мою студенткой Киевского театрального института. Собственно, здесь все взаимосвязано: если бы не моя Аксинья, я, провинциалка, не решилась бы попроситься в Малый. Я знала, что здесь мне будет не просто: у нашего театра своя школа, свои традиции, к которым я не принадлежала... Только преданностью идеям Малого театра, любовью к нему я сумела побороть предубеждение...

— Театр, как известно, храм, но обряды, которые в нем отправляются, порой достаточно своеобразны. Припоминаю статью замечательного артиста Малого Игоря Ильинского, опубликованную перед премьерой "Маскарада". Он сетовал на то, что в Малый приходят кинозвезды, которые... Дальше и вспоминать не хочется.

— Я тогда пришла к Нифонтовой и сказала: "Ты видишь? Это о нас". Но она не приняла слова Ильинского на свой счет и, быть может, была права. Игорь Владимирович, скорее всего, имел в виду меня. Я сама была виновата — поводом послужила моя собственная неосторожность. Я могла сказать то, что люди светские обычно держат про себя. Надо было выбирать выражения, а я, с комсомольской прямоотой, все по правде, по правде...

— А если конкретнее — "с комсомольской прямоотой"?

— Я считала, что роли определенного плана актриса может играть, только обладая соответствующими данными, и сказала об этом... одному замечательному артисту. Он увлекся режиссурой и частенько занимал в спектаклях свою жену. Так я получила сразу двух врагов на всю оставшуюся жизнь. Но я вовсе не хотела сказать гадость, я была искренне убеждена, что только так, без компромиссов, и можно относиться к искусству.

— Вам всегда было присуще то, что раньше называли "активной гражданской позицией". Вы руководили Федерацией художественной гимнастики, занимались общественной деятельностью...

— Да, я была председателем той всесоюзной федерации — она ушла в небытие вместе с Союзом. А тяга к общественной деятельности была свойственна мне всегда. Когда я пришла в Малый, Елена Николаевна Гоголева сказала мне, что актриса нашего театра должна быть общественно активной, и я следовала ее словам. Прошла через партком, профком — и так далее... Мне нравится общаться с людьми. На первый съезд "Стабильной России" я, например, пришла с идеей кодекса чести для участников движения. Эта мысль родилась благодаря горькому опыту нашей политической жизни. Когда мужчина на глазах у многомиллионной телеаудитории таскает женщину за волосы, а потом говорит, что это-де такая ласка, поневоле хочется что-то сделать.

— Не то ли, за что вас чуть не исключили из Киевского театрального института?

— Вы много обо мне знаете. Да, действительно, меня чуть не исключили. За пощечину. Это была третья пощечина...

— Третья?

— Третья за всю историю института. Я один-единственный раз ударила хама, но этого оказалось достаточно. Шли занятия по сценической речи, я стояла у дверей аудитории и повторяла текст выступления... И тут ко мне подошел студент и свистнул пищалкой в ухо.

Элина БЫСТРИЦКАЯ:

Я С ДЕТСТВА УМЕЛА ДРАТЬСЯ

Стрелять народная артистка СССР научилась позднее

С ушами у меня проблемы всю жизнь, а драться я умела с детства. Все вышло как-то само собой: студент Медведев отлетел к противоположной стене. Вскоре уже весь институт знал, что Быстрицкая кому-то дала пощечину. Перед концертом я столкнулась с одним из моих педагогов, и он мне сказал: завтра будет приказ о вашем отчислении, подавайте заявление о переводе в Харьковский институт. Но я с таким трудом пробивалась в театральный, так долго к этому шла, что ответ тоже дался сам собой: если завтра меня исключат, послезавтра ищите меня в Днепре... Мне дали закончить и даже из комсомола не выгнали.

— Вы сказали, что тяжело шли в театр. Почему?

— Потому что в семье было решено, что я буду продолжать дело отца — военного врача. Я ведь даже техникум медицинский окончила. Когда я вернулась с фронта (всю войну проработала санитаркой), в школу мне было идти уже поздно. Вот я в техникум и поступила. Там начала заниматься художественной самодеятельностью, там же решила круто изменить свою судьбу. В семье это было воспринято очень тяжело, отец сказал, чтобы я дома не появлялась... Папа принял меня только после "Тани": я играла главную героиню пьесы Арбузова в Вильнюсском русском драматическом театре. Тая ведь тоже врач...
— Актёрская судьба очень специфична: можно прожить и

жизнь шолоховской Аксиньи, и жизнь английской королевы. Но все же это отражение отражения: у реальной жизни есть своя прелесть, которой актеры не знают...

— Я этого не ощущаю. Все, чего мне не хватает в жизни, есть в моей профессии. Да, какое-то вре-

его убрали из репертуара. Что делать — мне ничто не давалось легко.

— В одном из ваших давних интервью вы поделились найденным вами способом борьбы с душевным непокоем. Надо пойти в тир, выбить сто очков из ста — и все неприятности сразу забудутся...

— Я пару раз отметила, что стала хуже стрелять, и оставила это занятие. Прихохотилась же я к нему во время съемок "Тихого Дона" — как не было погоды, так у нас пальба начиналась. Мишени там не было: стреляли по консервным банкам, по монетам...

— В монету попадали?

— Да. Но только не в летящую. Мы в основном с Петей Глебовым соревновались. И не всегда он побеждал — бывало, что и я. А потом, на фестивале в Карловых Варах, где "Тихий Дон" получил первый приз, устроители организовали стрельбы. Меня в это время свалила ангина, и Петя получил первый приз. Но это только потому, что меня там не было...

— Говорят, что в юности вы выступали в цирке.

— Да, в номере у Игоря Кио. Когда я поступала в театральный, семья отказала мне в поддержке — надо было как-то зарабатывать на жизнь. Я была после балетной школы, а Кио, каждый год приезжавший на гастроли в Киев, обычно набирал балет. На этот раз набора не было, но меня взяли ассистенткой "на фонарь". Фокус заключался в том, что на сцену выезжали три китайских фонаря. Внутри в фонарях стояли лилипутки. Кио дает сигнал, они задергивают шторы, фонари поднимаются под купол цирка, опускаются вниз, шторы раздергиваются... А в фонарях уже обычные женщины. Одной из них была я. Когда гастролы закончились, Кио предложил мне остаться в цирке. Но я уже была принята в институт.

— Любители цирка многое потеряли, зато театралам повезло.

— Я бы все равно не осталась. Если я ставлю себе цель, то после этого прикладываю все усилия, чтобы ее достигнуть. Не хочу потом грызть локти, упрекать себя в том, что я не сделала всего, что могла. Такой у меня характер.

— Что вы репетируете в Малом?

— Заглавную роль в пьесе Брукнера "Елизавета Английская". Ставит Борис Эрин, в ролях Юрий Каюров, Александр Овчинников, Ярослав Барышев и другие. Я наслаждаюсь на репетициях: и пьеса хороша, и роль.

— Это ваша роль — у героини тоже были сложности с отцом, она отлично стреляла и увлекалась политикой. Разве что порядка в Англии XVI века было побольше, чем в сегодняшней России.

— Так ведь мы же не в Европе живем! Помню, как-то давно, еще в институте, я познакомилась в дороге с одной северянкой из дальней таежной деревни. Трое детей, они с мужем работают. Кто же присматривает за детьми? Да собаки. Собаки выхаживают детей! Это было у нас, в России, меньше пятидесяти лет назад. Во время войны, на перестройку, я видела, как жили люди в Казахстане. Подробности давайте опустим: говорить об этом невозможно.

— И напоследок самый банальный вопрос. Что вы особенно любите?

— Я очень люблю свой дом. У меня нет ни антиквариата, ни мебели красного дерева, зато много растений. Когда мне бывает трудно, я иду к ним, и, как ни странно, порой происходит общение. Я очень люблю готовить, когда не требуется заниматься этим ежедневно. Впрочем, сейчас мне приходится стряпать для себя одной...

Я люблю снежную зиму и белую березку, люблю ласковое негорячее солнце и блеклые краски Севера... Но сильнее всего я люблю Малый театр.

Беседу вел
Алексей ФИЛИПОВ.